

Н.П. ТАНЬШИНА

ПАЦИФИСТСКАЯ ИДЕЯ В ПОСТНАПОЛЕОНОВСКОЙ ЕВРОПЕ: ФРАНСУА ГИЗО И ЖАН-ЖАК ДЕ СЕЛЛОН

После четверти века революционных и наполеоновских войн обессиленная Европа жаждала мира и стабильности. Кровопролитные войны легли тяжким бременем прежде всего на простых людей, особенно солдат, а также крестьян, по угольям которых прошла война, превратившая некогда плодородные земли в заброшенные пустоши. Да и европейским монархам нужны были мир и стабильность – и внутренняя, и внешняя. Ведь только что они были свидетелями того, как революционная искра спровоцировала не только внутривнутриполитические потрясения, но и войну, охватившую всю Европу. Эту тесную взаимосвязь между революциями и войнами монархи четко осознавали, и именно новых войн и революций они хотели избежать, созывая конгресс в Вене и формируя новую систему международных отношений, вошедшую в историю как Венская система или “европейский концерт”.

Венский конгресс 1814–1815 гг. закреплял стремление европейских государей решать возникающие споры мирно, путем поиска компромиссов, проведения международных конференций, основываясь на принципах легитимизма и “баланса сил”. Решения Венского конгресса, дополненные актом о создании Священного союза, были призваны обеспечить Европе международную стабильность, защиту от войн и революционных потрясений.

Венская система оказалась весьма пластичной конструкцией, снабженной механизмом сдержек и противовесов. При наличии неизбежных противоречий внутри “европейского концерта” интересы сохранения мира в течение долгого времени преобладали над “частными видами” и рискованными искушениями, что обеспечило Европе беспрецедентно длительный период мирного существования. Между тем Венская система оценивается специалистами по-разному. Одни предпочитают видеть в ней созидательные начала, способствовавшие сохранению мира, другие – разрушительные, неизбежно обрекавшие Европу на новую войну. Однако при всех недостатках Венских трактатов 1815 г., при всей суровости мер по защите их легитимности в качестве стабилизирующего инструмента они, вопреки ожиданиям многих, оказались весьма эффективными.

Идеи мирного разрешения возникающих конфликтов, отказа от войн как единственного способа урегулирования межгосударственных проблем пустили глубокие корни в сознании европейцев. Это понималось и на самом высоком государственном уровне, и на уровне формирующегося гражданского общества. После окончания наполеоновских войн в Европе и Америке появились первые пацифистские организации: в 1816 г. “Общества мира” были созданы в Великобритании и США. В континентальной Европе первой пацифистской организацией стало “Женевское общество мира”, основанное по инициативе графа Ж.-Ж. Селлона в 1831 г.¹ Во Франции близкая по идеям

Таньшина Наталья Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

¹ О Ж.-Ж. де Селлоне подробнее см.: *Таньшина Н.П.* Граф Ж.-Ж. де Селлон – глашатай европейского пацифизма. – Новая и новейшая история, 2013, № 6; *её же.* Граф Ж.-Ж. де Селлон: от Женевского общества мира к Организации объединенных наций. – Вестник РГГУ, серия Исторические науки, всеобщая история, 2014, № 13.

организация – “Общество христианской морали” – была создана десятилетием ранее, в 1821 г. Его активным участником был историк, публицист и либеральный политик Франсуа Гизо, который в годы Июльской монархии станет одним из ведущих министров короля Луи Филиппа². Именно он выступал в защиту принципов пацифизма и решения международных проблем не силой оружия, а за столом переговоров.

Селлон и Гизо, два человека, исповедовавшие сходные идеи, ратовавшие за благородные принципы, в своих многочисленных работах не упоминают друг о друге, хотя жили они в одно и то же время. Селлон родился в 1782 г., Гизо был на пять лет младше. Активно занимавшийся публицистикой в 1820–1830-е годы Селлон часто писал о событиях во Франции, Июльской революции 1830 г., явившейся катализатором его обращения к проблеме борьбы за мир, и о парижском “Обществе христианской морали”, членом которого был Гизо. Гизо уже в период Реставрации (1814–1830 гг.) был известным историком, автором “Истории цивилизации в Европе” и “Истории цивилизации во Франции”, где говорил о цивилизаторской миссии Франции, о ее новых средствах влияния в мире³. Более того, в это время Гизо выступал сторонником отмены смертной казни за политические преступления, посвятив этому отдельную работу, опубликованную в 1821 г.⁴ А Селлон начинал свою общественную деятельность как раз с борьбы за отмену смертной казни: в 1826 г. он выступил с инициативой проведения конкурса написание работы, посвященной упразднению смертной казни⁵. Конечно, он активно изучал предшествующий опыт, но при этом о работе Гизо опять-таки не упоминает.

Гизо в своих работах и выступлениях, очень созвучных по проблематике и суждениям работам Селлона, тоже ничего не говорит о своем швейцарском единомышленнике. Хотя в 1830-е годы Гизо уже оставил публицистику, будучи погружен в политику и занимая министерские посты (последовательно министра внутренних дел, народно-просвещения и иностранных дел), проблемы войны и мира для него всегда являлись первостепенными. Став 29 октября 1840 г. министром иностранных дел и находясь на этом посту до 1848 г., он выступал поборником умеренного и компромиссного внешнеполитического курса. Но он снова обходился молчанием Селлона, ушедшего из жизни в 1839 г. Не вспоминает о нем Гизо и в своих восьмитомных мемуарах, которые он писал уже в отставке, когда у него появилась возможность глубоко осмыслить всю свою деятельность и свое время.

Между тем сближало их очень многое. Начать с того, что судьба обоих так или иначе была связана с Нимом. В этом городе на юге Франции, одном из центров гугенотства, в 1787 г., в тот самый год, когда гугенотам были возвращены гражданские права, родился Франсуа Гизо. Отсюда были родом и предки Селлона, вынужденные эмигрировать из Франции, когда начались гонения на гугенотов после отмены в 1685 г. Нантского эдикта. Соответственно, их сближала религия – оба были протестантами. Причем Селлон, как и Гизо, тоже выступал за диалог между католиками и протестантами. Предки Селлона обосновались в Женеве, где и родился Жан-Жак. Гизо называл Женеву своей “интеллектуальной колыбелью”. В 1794 г. его отец, Франсуа-Андре, талантливый нимский адвокат, сочувствовавший жирондистам, был казнен якобинцами. В дальнейшем это трагическое событие стало предметом политических спекуляций противников Гизо, усматривавших в казни его отца событие, главным образом и повлиявшее на формирование характера будущего историка и политика. Факт казни отца,

² Подробнее о Ф. Гизо см.: *Таньшина Н.П.* Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000; *Rosanvallon P.* Le moment Guizot. Paris, 1985; *Brogie G.* Guizot. Paris, 1990; *Theis L.* François Guizot. Paris, 2008.

³ На основе его лекций, прочитанных в Сорбонне в 1828–1830 гг., появился шеститомный “Курс современной истории”, в который вошли “История цивилизации во Франции” и служащая введением к ней “История цивилизации в Европе”.

⁴ *Guizot F.* De la peint de mort en matière politique. Paris, 1822.

⁵ Подробнее об этом см. *Таньшина Н.П.* Граф Ж.-Ж. де Селлон и борьба за отмену смертной казни. – Вестник РГГУ, серия Исторические науки, всеобщая история, 2013, № 13 (114).

несомненно, оказал влияние на мировоззрение Гизо. Его пацифизм, стремление к поиску компромиссов, мирных способов решения противоречий корнями уходят в это трагическое для него и всей Франции время. В 1799 г. мать Гизо, Софии-Элизабет, вместе с Франсуа и его младшим братом отправилась в Женеву, где Франсуа обучался сначала в гимназии, а потом в Женевской академии.

Селлон в эти годы тоже жил в Женеве, причем по соседству с Гизо: улицы Гранж и Верден разделяло не более 500 метров. В 1806 г., являясь восторженным поклонником Наполеона, Жан-Жак присутствовал на его коронации в Дуомском соборе в Милане и вскоре оказался при дворе императора. Наполеон назначил его своим камергером, а потом возвел в кавалеры ордена Воссоединения⁶.

В 1805 г. покинула Женеву и семья Гизо. Франсуа продолжил обучение в Париже в Школе права. С этого времени жизнь и судьба Гизо были неразрывно связаны со столицей Франции. Селлон же в 1810 г., после смерти отца, вернулся в Женеву и как единственный наследник семейного состояния принял во владение семейные земли, торговлю шелком, а также старинный замок Алламан на берегу Женевского озера.

Характерно, что оценка личности Наполеона Селлоном и Гизо во многом совпала. Однако, в целом высоко оценивая роль и деятельность Наполеона, Гизо не мог восхищаться установленными им порядками, несовместимыми с представлениями о свободе. Он писал: “С тех пор как я начал принимать участие в государственном управлении, я научился быть справедливым по отношению к императору Наполеону: это был в высшей степени могучий и деятельный гений, поражавший своей антипатией к анархии, своим глубоким административным инстинктом, своими энергичными и неутомимыми усилиями по воссозданию общественного остова. Но гений этот не поставил себе никаких пределов, не принимал ни от Бога, ни от людей никаких ограничений своим страстям и воле, и поэтому он был революционером, несмотря на то, что постоянно боролся с революцией. Отлично осознавая насущные потребности общества, нравственные потребности человеческой природы он понимал грубо и то давал им полное удовлетворение, то с неистовой гордостью презирал их”⁷.

Гизо полагал, что на определенном этапе исторического развития Франция нуждалась именно в таком государственном деятеле, как Наполеон, поскольку никто лучше, чем он, не справился бы с состоянием анархии в обществе. В то же время, по словам Гизо, никто, больше, чем Наполеон, “не питал... таких химерических иллюзий в отношении будущего. Он обладал Францией и Европой, и Европа выгнала его даже из Франции; имя его останется более великим, чем его дела, потому что самые славные из этих дел, его победы, совершенно и навсегда исчезли вместе с ним”⁸.

Характерная деталь: 11 декабря 1812 г. состоялся так называемый вступительный урок Гизо в Коллеж дю Плесси перед студентами Эколь нормаль и немногочисленной публикой. По существовавшей традиции молодой преподаватель должен был произнести несколько приветственных слов в адрес Наполеона. Но Гизо, как и его друг и коллега Пьер Руайе-Коллар, профессор философии, отказался, не желая смешивать науку с политикой.

Двойственным было отношение к императору Наполеону и у графа де Селлона. Несмотря на то, что он оставил службу в 1810 г., Селлон всю жизнь был убежденным сторонником политики Наполеона I и не подвергал сомнению ни его военный гений, ни его административные таланты⁹. Как и Гизо, Селлон высоко оценивал по-

⁶ Орден Воссоединения (*l'Ordre Impérial de la Réunion*) был учрежден Наполеоном в 1811 г. после аннексии королевства Голландии. Этот титул Селлон сохранил до падения Первой империи во Франции в 1815 г.

⁷ *Guizot F. Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps*, v. 1–8. Paris, 1858–1867; v. 1, p. 5.

⁸ *Ibidem*.

⁹ По крайней мере в опубликованных работах Селлона не удалось обнаружить критических высказываний в адрес Наполеона Бонапарта как на посту Первого консула, так и в годы Первой империи.

литику Наполеона Бонапарта на посту Первого консула, направленную на консолидацию страны. “Этот экстраординарный человек возглавил Францию в тот самый момент, когда извне ей грозило вторжение мощной коалиции, а внутри нарастала новая волна террора. Что он сделал? Он призвал всех, кто имел хоть малейший интерес к восстановлению социального порядка, без различия на партии, помочь стране. Спустя некоторое время все увидели, как под его знаменами объединились и лидеры вандейцев... и офицеры армии Конде. В его Государственный Совет вошли бывшие члены парламента; даже папа, окруженный своими кардиналами, примчался из Рима в Париж для коронации человека, олицетворявшего восстановление порядка во Франции, а иначе говоря, в Европе... Вот в чем заключается его образ действий, возвышающий его, на мой взгляд, над всеми государственными людьми, которых знала история”¹⁰.

В то же время, пацифист и противник любого насилия, Селлон не мог одобрять методы достижения Наполеоном господства Франции в Европе. В своих работах он не критикует императора напрямую, отмечая лишь негативное влияние наполеоновских войн на развитие частнопредпринимательской инициативы. “Если Европа сохранила благодарные воспоминания о полезных и славных деяниях правления Наполеона, – писал Селлон, – то она отнюдь не забыла о том, что в то время собственники не занимались строительством, не рисковали вкладывать капиталы в дорогостоящие предприятия, опасаясь потерять все это в одночасье в условиях постоянной военной угрозы”¹¹.

В целом Гизо и Селлон были очень близки по политическим взглядам: оба являлись умеренными либералами. Гизо в годы Реставрации был одним из лидеров группы доктринеров¹², Селлон – сторонником идей Бенжамена Констана. Исследователи иногда называют Селлона последователем аристократического либерализма¹³; во Франции подобные идеи развивал Ф.-Р. де Шатобриан. Выступая последовательным сторонником концепции разделения властей, Селлон ратовал за правительство, “основанное на балансе трех ветвей: короля, аристократии и народа, правительство, определяемое Аристотелем и Платоном как божественное”¹⁴. С Констаном его сближала идея децентрализации власти. Аналогичные идеи выдвигал и Гизо – теоретик и практик режима представительного правления. Причем Гизо всегда был сторонником сильной исполнительной власти в лице короля. Кроме того, как в целом либералы-доктринеры, а потом либералы-орлеанисты, он выступал сторонником синтеза, компромисса между Старым порядком и новой, постреволюционной Францией. Отсюда – его отношение к дворянству и аристократии, которых он считал неотъемлемой частью современного общества. Не случайно Июльскую монархию именуют “правлением нотаблей”, т.е. просвещенной и деловой элиты французского общества.

Отстаивая систему представительного правления, и Гизо, и Селлон вместе с тем являлись сторонниками цензовой демократии, жестко увязывая собственность и политические права. По твердому убеждению либералов начиная с Констана, только собственность, предоставляющая достаточный досуг, дает человеку возможность осуществлять свои политические права. Гизо был убежден, что дальнейшее расширение избирательного корпуса во Франции будет преждевременным и даже опасным, пос-

¹⁰ *Sellon J.-J. Recueil de lettres adressées aux Archives de la Société de la paix par son président. – Sellon J.-J. Ecrits divers. Genève, 1832, lettre XXX, p. 244–245.*

¹¹ *Sellon J.-J. Réflexions sur les suites probables de l'Arbitrage européen. – Sellon J.-J. Ecrits divers, p. 13–14.*

¹² О политической философии Гизо см. *Таньшина Н.П. Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма.*

¹³ *Rens I., Giesen K.-G. Jean-Jacques de Sellon: pacifiste et précurseur de “l'esprit de Genève”. – Schweizerische Zeitschrift für Geschichte, № 35, 1985, p. 271.*

¹⁴ *Ibidem.*

кольку в политическую жизнь окажутся вовлечены совершенно не подготовленные для этого слои населения¹⁵.

Идею цензовой демократии Гизо выводил из своего представления о равенстве: люди равны в своих естественных правах и равны перед Богом, но они не равны ни по биологическим параметрам, ни по уму, ни по нравственному облику. Соответственно, есть права, распределяемые согласно неравенству, существующему в обществе, и согласно заслугам каждого отдельного человека. К числу таких прав относятся политические, в частности, избирательное право. По убеждению Гизо, идея равенства является разрушительной для прогресса общества, поскольку ведет к нивелированию заслуг отдельной личности: “Это нивелирование вместо справедливости, это постоянное обезглавливание социального корпуса вместо свободного развития всех его членов”¹⁶.

Гизо был уверен, что право власти принадлежит не людям, а истине, разуму и справедливости. “Я не верю ни в божественное право, ни в суверенитет народа, – писал он. – Я верю в суверенитет разума, справедливости, права: это в них заключен легитимный суверенитет, который ищут и всегда будут искать люди, поскольку разум, правда и справедливость никогда не царствуют полно и неослабевающе. Ни один человек, ни одно собрание людей не владеет и не может ими владеть... безгранично”¹⁷.

Подобные идеи развивал и Селлон. Хотя он неоднократно высказывался за постепенное понижение избирательного ценза с эволюцией в сторону всеобщего избирательного права, он полагал, что идея социального равенства не выгодна самим низшим слоям населения. “Законный порядок, порожденный революциями, инспирированными идеями равенства, – отмечал Селлон, – делает людей ответственными за самих себя и за существование своих близких. Человек больше не может прибегать ни к поддержке испробованных им высших слоев, ни к содействию разрушенных им корпораций. Он свободен, он равен всем, но он одинок”¹⁸.

Как и Гизо, Селлон был убежден в моральной значимости и роли элит в современном ему обществе. Он оправдывал существующий социальный порядок тем, что “долг правительства заключается в санкционировании (в соответствии с конституцией) личного превосходства и даже превосходства наследственного, чтобы быть в гармонии с основами христианства, проповедующего равенство перед Богом в лучшем мире, но рекомендующего в этом мире уважение к социальной иерархии, которая существует на основе закона в конституционных монархиях”¹⁹.

И Селлон, и Гизо (как, впрочем, и другие французские либералы, особенно Жермена де Сталь) выступали за сочетание либеральных и христианских ценностей, веря в возможность проведения политики, основанной на моральных, т.е. христианских, принципах. Исследователи зачастую называют Июльскую монархию правлением протестантов. Селлон понимал мораль в политике как решение политических вопросов путем парламентских прений, а не насилия²⁰.

Сходно воспринимая либерализм как политическую философию, Селлон и Гизо по-разному трактовали экономический либерализм. Селлон был последователем принципа *laissez-faire* (минимального вмешательства государства в экономику), а Гизо – сторонником системы протекционизма, но это уже вытекало из разных экономических реалий Франции и Швейцарии.

На первый взгляд, социальное происхождение Селлона и Гизо было различным: Гизо – типичный представитель третьего сословия, Селлон – аристократ, граф. Титул

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Таньшина Н.П.* Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма, с. 172–193.

¹⁶ *Guizot F.* Trois générations. 1789–1814–1848. Paris, 1863, p. 33–37.

¹⁷ *Guizot F.* Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du Ministère actuel. Paris, 1820, p. 201.

¹⁸ Цит. по: *Rens I., Giesen K.-G.* Op. cit., p. 271.

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ *Ibidem.*

графа Священной Римской империи был пожалован отцу Жан-Жака в 1786 г. императором Иосифом II. Тем не менее Селлон являлся буржуа по духу и по роду деятельности: его предки разбогатели на торговле шелком, а после смерти отца Селлон возглавил семейный бизнес. Если Гизо зарабатывал себе на жизнь лекциями в Сорбонне, изданием книг по истории, выступлениями в печати, то Селлон публиковал свои работы за собственный счет, а потом бесплатно их распространял. Владелец фамильного замка Алламан, он был рачительным хозяином и ежегодно проводил в нем реставрационные работы. Гизо также со временем стал земельным собственником, приобретя в 1836 г. в Нормандии старинное аббатство Валь-Рише с обширными землями и лесными угодьями. В годы Июльской монархии именно земельная собственность давала так называемое “notabilité”, т.е. знатность, влияние в обществе. Цензитарная система обеспечивала доминирование общества, в котором главным богатством по-прежнему оставалась земельная собственность²¹. Как правило, те, кто сумел нажить состояние в результате занятий торгово-промышленной, интеллектуальной или научной деятельностью, покупали землю.

Судьба в историографии оказалась неудачной и для Гизо, и для Селлона. Личность Гизо – министра Луи Филиппа – и в отечественной, и во французской историографии долгое время трактовалась весьма односторонне. Его оценивали как консервативного политика, который упорным отказом от назревших реформ, прежде всего избирательного права, привел страну к революции 1848 г. В столь же негативном ключе воспринималась и внешняя политика Гизо. Умеренный и компромиссный курс Гизо в лучшем случае интерпретировался как слабый и недальновидный, в худшем – как антинациональный и проанглийский. Французский исследователь Г. де Брой отмечал, что “восемью годам министерства Гизо между Ватерлоо и Седаном не хватало традиционного французского авантюризма”²². По словам отечественной исследовательницы Е.И. Федосовой, Гизо не смог “перейти от решения узких, прагматичных проблем к созданию широкомасштабной программы внешней политики, сулящей возвращение былого величия Франции”²³.

Что касается графа де Селлона, то имя этого человека, стоявшего у истоков европейского пацифизма, явившегося предвестником “духа Женевы”, очень мало известно в России, разве что специалистам по истории пацифизма. В отечественной историографии есть лишь несколько статей, посвященных Селлону. Из зарубежных работ можно назвать только две книги, написанные в конце XIX – начале XX в., и статью швейцарских ученых, освещающую взгляды и общественную деятельность графа де Селлона²⁴.

При общности политических пристрастий и образа мыслей Гизо и Селлон, как мы уже отмечали, словно бы игнорируют друг друга. Безусловно, они прекрасно знали друг о друге, но сведений о том, что они были лично знакомы, нами не обнаружено. Главное, что их сближает, – это идеи, прежде всего пацифистского характера. Доминирующая мысль и того, и другого – недопущение новой войны в Европе, идея мирного сосуществования между народами, стремление сформировать и очертить контуры новой Европы, построенной на новых основаниях. Активный общественный деятель и публицист, Селлон воплотил свои идеи на практике, основав, как мы уже отмечали, в 1831 г. “Женевское общество мира”, по сути, ставшее прообразом будущей Организации Объединенных Наций. Арбитражный суд, начавший свою деятельность в 1872 г., – также детище Селлона. Гизо не стоял у истоков подобных организаций, но его мысли, развиваемые в политических и исторических сочинениях, формировали идейную основу современной Европы. Убеденный сторонник понимания Европы

²¹ *Rémond R.* La vie politique en France depuis 1789, t. 1–2. Paris, 1965; t. 1, p. 305.

²² *Broglie G.* Op. cit., p. 282.

²³ *Федосова Е.И.* Ф. Гизо во главе МИД Франции (1840–1847 гг.). – Вопросы истории, 1993, № 10, с. 143.

²⁴ *Rens I., Giesen K.-G.* Op. cit.

как единого цивилизационного и социокультурного пространства, он во многом был предшественником современных интеграционных процессов²⁵. Взгляды этих двух неординарных личностей заслуживают того, чтобы рассмотреть их подробнее.

Катализатором обращения графа де Селлона к вопросам борьбы за мир стали события 1830 г., а именно – волна революций, прокатившаяся по Европе вслед за Июльской революцией во Франции. Июльская революция вызвала волнения в некоторых швейцарских кантонах, что особенно беспокоило Селлона, всколыхнула Бельгию, итальянские государства, Польшу. Потрясенный последствиями революции в одной стране, Селлон включился в дело борьбы за мир между народами.

Оценка Июльской революции Гизо и Селлоном во многом сходная. Для Гизо и других либералов-доктринеров эта революция означала возможность практической реализации умеренно-либеральных идей. Доктринерская школа мысли вводится во власть: либеральные теоретики, журналисты и публицисты эпохи Реставрации получают министерские посты. Гизо, как и в целом либералы-орлеанисты, сторонники короля Луи Филиппа Орлеанского, выступая за мирный, эволюционный путь развития общества, признавал революцию только как крайнее средство разрешения конфликта, когда все легальные методы сопротивления уже исчерпаны. Отсюда – его оценка Июльской революции, которую он считал аналогом Славной революции 1688–1689 гг. в Англии. Гизо постоянно подчеркивал умеренный, даже консервативный оттенок Июльской революции. По его словам, Франция “хотела революции, которая не была бы революцией и которая дала бы ей одновременно порядок и свободу”²⁶. Именно “порядок” и “свобода” станут ключевыми принципами идеологии орлеанизма. В то же время Гизо полагал, что после революции не следовало заниматься постоянной модернизацией политических учреждений, а надо было попытаться жить в рамках достигнутого, опираясь на институты и принципы, заложенные в Хартии 1830 г. По его словам, после Июльской революции “следовало очистить великое событие от революционных элементов, замешанных в нем, с которыми многие хотели связать его навсегда”²⁷.

Такие идеи были близки и графу де Селлону. Несмотря на то, что он выступал против революции как формы общественного прогресса, Июльскую революцию Селлон оправдывал, воспринимая ее в качестве логического следствия антиконституционной политики Карла X и подчеркивая ее прогрессивный характер. “Это событие породило прогресс, отвлекло меня от мысли об огромном потрясении, которое всегда вызывает в Европе ниспровержение системы наследования власти в великой монархии”, – писал он²⁸. Как и Гизо, Селлон подчеркивал умеренный характер Июльской революции и, несмотря на сопровождавшие “три славных дня” баррикадные бои и беспорядки, отдавал должное чувству умеренности парижан. Он отмечал: “Я усматриваю единодушие во взглядах как сторонников, так и противников этой революции, в их признании благоразумия парижан в ходе этого кризиса. Из этого я сделал вывод, что в нынешних условиях возвращение террора было невозможно”²⁹.

Селлон рассуждает о последствиях революции, ее значении и результатах. Для него это было так же важно, как важно было для Гизо определить результаты революции конца XVIII в., отделить зерна, т.е. ее позитивные завоевания, от плевел. “Революция, продолжает ли она сегодня разорять свои гнезда, марать грязью разбуженных ею же идолов? Продолжает ли она сегодня, как Сатурн, пожирать своих детей? Принимает ли она сегодня с пренебрежением или безразличием религиозные идеи или она

²⁵ О европеизме Гизо см.: *Капанов Р.* Франсуа Гизо: у истоков либерального европеизма. – Европейский альманах. История, Традиция, Культура. М., 1990; *Triomphe P.* L'Europe de François Guizot. Paris, 2002.

²⁶ *Guizot F.* Trois générations. 1789–1814–1848, p. 182.

²⁷ *Феоктистов Е.М.* Записки Гизо. Водворение Июльской монархии. – Русский вестник, 1859, т. 21, май, кн. I., с. 283.

²⁸ *Sellon J.-J.* Recueil de lettres..., p. 200.

²⁹ *Ibid.*, p. 196–197.

хорошо понимает, что в целях консолидации она нуждается в возвращении к великим моральным принципам, без которых ни одно общество не может существовать?” – вот какими вопросами задавался швейцарский пацифист³⁰.

Особенно ему импонировало то обстоятельство, что среди либералов-орлеанистов, которых Июльская революция привела к власти, было много членов “Общества христианской морали”. Селлон приводит список из 37 фамилий, включая самого короля Луи Филиппа, а также ведущих министров и членов Палаты депутатов: А. де Броя, Ф. Гизо, Ш. Ремюза, Б. Констана, графа К. де Монталиве, барона П. де Баранта, Г. Делесера, графа Н.-А. Сальванди, К. Перье, графа О.-Ф. Себастьяни, А. Ламартина, А. де Токвиля и др.³¹ Одной из целей общества провозглашалась борьба за “царство мира на земле”³². Все это было созвучно взглядам самого Селлона, вселяло в него уверенность и подтверждало интернациональный характер дела, которое он защищал. Кроме того, по мнению Селлона, деятельность этого общества доказывала реалистичность его мысли о возможности проведения политики, основанной на принципах христианской морали. “Идеи, провозглашенные членами “Общества христианской морали” во время их политической карьеры, – писал он, – доказывают, что эти ассоциации могут быть полезными, если они основаны на принципах Евангелия! Эти размышления я адресую всем тем, кто думает создать Общества мира в основных городах Европы”³³.

В условиях, когда Июльская революция спровоцировала революционные потрясения в Европе, французская дипломатия в своих действиях должна была исходить из того, что Франция представляет собой страну со стабильной внутривнутриполитической системой, что она не вынашивает экспансионистских планов установления преобладающего влияния в Европе, а является полноправным партнером европейских держав, заинтересованным в сохранении европейского равновесия сил и предотвращении возникновения новых социальных потрясений в Европе.

Французские либералы во главе с королем Луи Филиппом, несмотря на то, что они пришли к власти в ходе революции, выступили с идеей проведения умеренного и компромиссного курса в области внешней политики, отказавшись от политики “экспорта революции” и насильственного распространения либеральных идей в Европе. Вот что говорил об этом сам король французов Луи Филипп: “После блестящего урожая побед, собранного за века французской нацией, ей принадлежит, может быть, больше, чем какому-либо другому народу, право признать, что мирные добродетели являются не менее впечатляющими, чем военные заслуги”³⁴.

Однако главная проблема для короля Луи Филиппа и его сторонников заключалась в том, что его умеренный внешнеполитический курс и миролюбивые заявления не встречали понимания у большей части французского общества. По справедливо замечанию В.В. Дегоева, поведение короля Луи Филиппа и либералов-орлеанистов “составляло контраст имперско-реваншистским настроениям французского общественного мнения”³⁵. Действительно, широкие круги французского общества, все еще находившиеся в плену “наполеоновской легенды”, видели в Венских договорах главное зло для Франции. Возвращение триколора после 1830 г. означало как восстановление идеи национального суверенитета, так и возрождение чувства национальной обиды за поражение Франции в 1814–1815 гг., за ненавистную систему Венских трактатов. Французы вновь почувствовали себя обязанными распространять принципы 1789 г. за пределы своего отечества. Причем такие настроения господствовали не

³⁰ Ibid., p. 243.

³¹ Ibid., p. 198–200

³² Ibid., p. 197.

³³ Ibid., p. 202.

³⁴ *Louis Philippe. Pensées et opinions de Louis Philippe sur les affaires de l'état.* Paris, 1850, p. 236.

³⁵ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004, с. 211.

только в республиканской среде, но имели место среди самих либералов, интеллектуалов, студенчества и даже членов Национальной гвардии.

Между тем орлеанисты полагали, что, несмотря на систему Венских договоров, Франция остается великой державой, имеющей древнюю историю и высокий уровень интеллектуального развития. Венский конгресс установил в Европе легитимный порядок, который, по их мнению, лучше принять, чем постоянно с обидой оспаривать. В противовес настроениям общественности орлеанисты считали, что Франция должна действовать в русле договоров 1815 г., чтобы другие державы признали ее как силу мира и порядка, а не войны и разрушения. Они рассчитывали, что со временем, придерживаясь такой политической программы, Франция займет свое законное место в европейской системе. Гизо, выступая в Палате депутатов 29 января 1848 г., т.е. уже в самом конце своей министерской карьеры, так говорил о внешнеполитической линии Франции: “Мы рассматриваем договоры 1815 г. как основу европейского порядка. Мы утверждаем, что эта политика соответствует интересам как Франции, так и Европы”³⁶.

Сразу же после революции 1830 г. правительство Луи Филиппа признало все территориальные изменения, произведенные в соответствии с трактатами 1815 г. В течение сентября – октября 1830 г. король и возглавляемый им политический режим в свою очередь были признаны всеми государями Европы, за исключением португальского короля дона Мигеля, которого Франция тоже не считала законным монархом, и герцога Моденского, категорически отказавшегося иметь дело с властью, порожденной революцией³⁷.

Селлон поддерживал политический курс Луи Филиппа и его министерства, возглавляемого в 1831–1832 гг. сильным политиком и преуспевающим банкиром Казимиром Перье. Селлон особо выделял этого министра, посвятив его выступлению в Палате депутатов от 7 марта 1832 г. одну из статей, где привел полный текст речи французского министра³⁸. Швейцарец нашел его слова применимыми “ко всем временам и для всех государств”³⁹. Он подчеркивал, что заявление Перье означает практическое воплощение принципов “Общества христианской морали”. В качестве предостережения человечеству Селлон привел слова Перье о том, что в современных условиях “не может быть войны локальной, которая не грозила бы почти немедленно перерасти в войну всеобщую”⁴⁰.

Идея коллективного решения международных проблем, недопущения новой войны в Европе – суть Венской системы международных отношений. Селлон указывал на Венский конгресс, а также на Священный союз как на примеры мирного урегулирования сложнейших международных вопросов. Кроме того, он очень верно понимал суть политики европейских монархов, собравшихся в Вене. Их главная цель заключалась в предотвращении войн и революций, причем европейские лидеры (так же, как Селлон и Гизо) прекрасно видели четкую взаимосвязь между этими социальными событиями: войны являлись питательной средой для революций, а революция в одной стране могла спровоцировать военный конфликт общеевропейского масштаба.

Французские либералы-орлеанисты, придя к власти и пытаясь убедить Европу в законности нового режима и короля Луи Филиппа (которого Николай I считал узурпатором, “похитившим” корону у малолетнего герцога Бордоского, внука Карла X), проявили себя сторонниками принципа невмешательства во внутренние дела суверенного государства. Они противопоставили этот принцип идее Священного союза

³⁶ Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France, t. 1–5. Paris, 1863–1864; t. 5, p. 543.

³⁷ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. 1814–1878. Ростов-на-Дону, 1995, с. 266.

³⁸ Уже 16 мая К. Перье умер от холеры, которая из Польши распространилась по Европе, захватив Францию, особенно Париж.

³⁹ Sellon J.-J. Recueil de lettres..., p. 181.

⁴⁰ Ibid., p. 183.

о легитимности вмешательства во внутренние дела государства, представляющего угрозу для существования абсолютистских режимов. Таким образом Франция, в которой только что победила революция, объявляла нелегитимным вмешательство абсолютистских дворов в ее внутреннюю жизнь. В то же время либералы-орлеанисты, весьма искушенные в теоретических построениях, применяли этот принцип согласно меняющимся обстоятельствам, подчас оправдывая вооруженное вмешательство тем, что оно необходимо. В частности, глава кабинета герцог де Брой, сравнивая принцип невмешательства с личной свободой, отмечал: “Я являюсь хозяином у себя, и никто не имеет права проникать ко мне без моего согласия... Если мой сосед намеревается вмешаться в мои дела, я имею право не только противодействовать его вмешательству, но вправе подавить его, призвав на помощь всех других моих соседей, имеющих косвенный, но легитимный интерес к сохранению свободы каждого человека и безопасности каждого жилища”⁴¹.

Как видим, французское правительство, взяв на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела других государств, оговаривало, что, если ситуация в какой-либо стране будет представлять угрозу национальной безопасности Франции или если во внутренние дела какого-либо государства вмешается третья держава, что также будет представлять опасность для Франции или угрожать европейскому равновесию, то Франция может прибегнуть к вооруженному вмешательству в дела другого государства.

Гизо не идеализировал этот принцип, отмечая, что он не лучший и “есть тысячи причин его ненавидеть”, и в то же время подчеркивал, что Франция “должна выбирать между уважением свободы народов, принципом невмешательства и новыми идеями подчинения Европы... Это есть выбор между системой мирного, конституционного влияния и революционной вооруженной пропагандой”⁴².

Здесь взгляды Гизо и Селлона расходились. Последний писал: “Если я надеюсь на сохранение мира в настоящий момент, я не испытываю того же доверия к системе невмешательства, потому что вижу, как начиная с июля 1830 г. все державы в той или иной степени его нарушают. Это больше не объект для теоретических дискуссий, это свершившийся факт, который должен служить уроком для наций”⁴³.

Одной из острейших проблем, вставших перед Европой в начале 1830-х годов, была бельгийская проблема. 8 августа 1830 г. под непосредственным влиянием Июльской революции вспыхнуло восстание в Брюсселе, приведшее к отделению Бельгии от Голландии и образованию независимого бельгийского государства. Селлон считал эту революцию правомерной, справедливо подчеркивая нежизнеспособность созданного Венским конгрессом Нидерландского королевства, когда два народа объединили в одно государство, несмотря на различия в языке, религии и культуре. В статье от 27 февраля 1832 г., рассуждая на эту тему, он проводил важнейшую и актуальную как для того времени, так и для современности мысль о необходимости учета национального фактора при определении государственных границ. Собственно, нерешенность данного вопроса стала одной из причин революций 1848 г. в Европе. “Революция в Бельгии доказывает, – писал Селлон, – что национальное чувство должно иметь определенную ценность в глазах тех, кто обсуждает вопросы, связанные с судьбами народов”⁴⁴.

Решение спора между Бельгией и Голландией в ходе работы Лондонской конференции стало примером коллективной дипломатии в рамках “европейского концерта”, когда острый международный кризис решался за столом переговоров с участием “великих держав”. Позиция Селлона была созвучна основным принципам французской дипломатии. Странник создания арбитражного суда, он высоко оценивал сам

⁴¹ Broglie duc de A. Les Souvenirs, 1795–1870, v. 1–4. Paris, 1886; v. 4, p. 39.

⁴² Guizot F. L’Histoire parlementaire de la France, t. 5, p. 195.

⁴³ Sellon J.-J. Recueil de lettres..., p. 186.

⁴⁴ Ibid., p. 121.

механизм мирного решения международных проблем. Лондонскую конференцию Селлон назвал примером коллективной дипломатии, когда удалось избежать решения спорного вопроса вооруженным путем и свести на нет идею императора Николая I об организации вооруженной интервенции в пользу голландского короля Вильгельма II⁴⁵. Кроме того, швейцарец полностью поддержал позицию, занятую королем Луи Филиппом, который отказался от бельгийского трона для своего сына, герцога Немурского, понимая, что это привело бы к дальнейшей дестабилизации ситуации в Бельгии и во всей Европе⁴⁶, и поддержал кандидатуру принца Леопольда Саксен-Кобургского. Принц Леопольд и был провозглашен первым королем независимой Бельгии.

На примере позитивного опыта Лондонской конференции Селлон проводил мысль о возможности решения сложнейших международных проблем компромиссным, дипломатическим путем (хотя в урегулировании конфликта принимали участие французские и английские вооруженные силы). Он писал: “В современных условиях конференции являются насущной необходимостью цивилизации; они представляют собой один из самых достойных ее плодов, поскольку содействуют триумфу разума над силой”⁴⁷.

В 1839 г., когда в Лондоне происходило очередное обсуждение бельгийской проблемы, связанное с урегулированием финансовых и коммерческих вопросов между Бельгией и Голландией, граф де Селлон скоропостижно ушел из жизни. В скором времени Европу охватил мощнейший международный кризис – Восточный. Начавшийся с территориального спора между турецким султаном и его вассалом, пашой Египта Мухаммедом-Али, этот кризис вышел за свои локальные рамки, грозя нарушением спокойствия во всей Европе. Для урегулирования конфликта весной 1840 г. в Лондоне была созвана международная конференция. С февраля 1840 г. Гизо занимал пост посла Франции в Великобритании, но уже в октябре вернулся во Францию, чтобы возглавить министерство иностранных дел, сменив на этой должности своего постоянного политического оппонента А. Тьера. Именно из-за неосторожной политики Тьера, который призывал отстаивать интересы Франции и Мухаммеда-Али силой оружия, страна оказалась в международной изоляции (Конвенция 15 июля 1840 г. была заключена без ее участия) и на грани общеевропейской войны.

Луи Филипп предпочел отправить воинственного Тьера в отставку и призвать к власти более осторожного и миролюбивого Гизо. Тот возглавлял внешнеполитическое ведомство, а фактически и правительство, поскольку Н. Сульт руководил им лишь номинально, вплоть до конца существования режима Июльской монархии. Официально Гизо стал главой кабинета в сентябре 1847 г.

Фигура Гизо оказалась во многом уникальной: во-первых, по времени пребывания у власти – он был настоящим политическим долгожителем; во-вторых, немногие из французских министров иностранных дел так глубоко верили в предназначение Франции. Профессиональный историк, Гизо не просто извлекал из истории уроки, но излагал собственную теорию французского доминирования в Европе и выводил из этого теоретическую базу для своей внешней политики. По всей вероятности, Селлон, не доживший до этого времени, приветствовал бы приход к власти Гизо, расценив это как торжество своих принципов. Ведь Гизо видел важнейшие регуляторы международных отношений именно в морали и праве.

Гизо сожалел, что критика Венской системы начиная с 1815 г. стала во Франции символом патриотизма. По его мнению, тенденция выступать против договоров 1815 г. и считать, что цель внешней политики Франции состоит в их аннулировании, порождала в стране ложные надежды, а в остальной Европе – ненужные опасения. Он соглашался, что Венская система, как и любая другая, со временем может измениться,

⁴⁵ Ibid., p. 185.

⁴⁶ Ibid., p. 201.

⁴⁷ Ibid., p. 183.

но полагал, что эти изменения “могут стать легитимными только после их обсуждения и принятия всеми державами, подписавшими Венские договоры”⁴⁸.

Приверженец идеи о мирном решении международных проблем, противник революционной пропаганды и войны, Гизо был сторонником активной внешней политики Франции, направленной на восстановление ее позиций в Европе. Однако средства, которые он предлагал использовать, были совершенно иными. “Средства влияния Франции в Европе сегодня – это мир, это стабильное правительство, действующее в условиях свободы, завоеванной в ходе революции. Средства влияния Франции в Европе заключаются в том, чтобы завоевывать повсюду не территории, а умы и души. Пусть Франция процветает, живет свободно, богато, разумно, без потрясений, и нам не придется жаловаться, что ей не хватает влияния в Европе”, – заявил Гизо с парламентской трибуны в январе 1840 г., в самый разгар Восточного кризиса⁴⁹.

Он полагал, что со временем Франция должна занять достойное место в “концерте” европейских государств благодаря своему экономическому процветанию и культуре, а не с помощью военных авантур. Гизо пытался осуществлять политику, учитывавшую важнейшие потребности времени – “политику примирения”, которая предусматривала проведение дипломатических переговоров и достижение компромиссов и соглашений. По его мнению, Европа не должна считать Францию эпицентром революционных идей, страной с нестабильным общественно-политическим строем. “Мы хотим, – писал он, – чтобы народы знали только добродетели и благодеяния французской революции; мы хотим, чтобы народы увидели, что во Франции господствует не революция, а свобода. Не беспорядок, а внутренний порядок и стабильность”⁵⁰.

Не призывая к ликвидации Венской системы, Гизо своими комбинациями в то же время, по сути, подготавливал ее распад. К этим комбинациям относятся политические действия Франции в Бельгии, стремление создать Средиземноморскую лигу, заключение торговых договоров с пограничными с Францией государствами – Бельгией, Голландией и Пьемонтом. Со временем они могли трансформироваться в политические объединения, и в результате государства, которые решениями Венского конгресса должны были выполнять роль буфера и приглушать возможные экспансионистские намерения Франции, стали бы ее естественными союзниками.

Если Гизо воспринимал экономические союзы и активизацию международных экономических контактов прежде всего как средство усиления позиций Франции в Европе, то для Селлона экономика была фактором, способствующим росту пацифизма в мире. Он верил в последовательное замещение войны международной торговлей, что соответствовало либеральной идеологии того времени. Очарованный успехами навигации, прессы, открытием телеграфа и развитием индустрии, он писал об экономической свободе: “Доктрина *laissez faire, laissez passer* мне кажется необходимой для нашего времени, и единственная роль, которую могут играть правительства, заключается в том, чтобы облегчать, насколько это возможно, коммуникации... Никакое правительственное вмешательство не может повлиять на спрос на тот или иной товар из-за границы”⁵¹. Таким образом Селлон прочно увязывал идею свободы торговли с идеей пацифизма. Как бы то ни было, современное развитие мирового политического процесса демонстрирует существенное усиление экономики как важнейшего фактора международных отношений.

Итак, Гизо, как и Селлон, ратовал за мирное разрешение возникающих международных и внутренних проблем, допуская насильственный путь только в исключительных случаях, когда легальные методы сопротивления уже исчерпаны. Гизо был прав, выступая против неосторожного, необдуманного использования силы в международных отношениях. Он прекрасно понимал, что это чревато новой европейской

⁴⁸ Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France, t. 5, p. 286.

⁴⁹ Le Moniteur universel, № 324, 1840, 19 novembre, p. 2272.

⁵⁰ Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France, t. 5, p. 190–195.

⁵¹ Цит. по: Rens I., Giesen K.-G. Op. cit., p. 270.

коалицией и войной против Франции, которая не отвечала ее национальным интересам и к которой страна была не готова. Эту же мысль постоянно подчеркивал и граф де Селлон, опасаясь перерастания внутренней войны в общеевропейскую, тем более что Июльская революция доказывала обоснованность таких опасений.

Важнейшим регулятором международных отношений и для Гизо, и для Селлона наряду с моралью выступало право. Гизо воспринимал Европу как “сообщество различных, но сходных между собой народов и государств”⁵². Естественным следствием европейского и христианского единства являлось для Гизо европейское христианское право, основными принципами которого были мир как нормальное состояние между народами и государствами, а также невмешательство государств во внутренние дела друг друга. Гарантию этих принципов он видел не в утопичной, по его мнению, идее договора о вечном мире, а в общественном мнении и растущей взаимозависимости европейских стран.

Исходя из необходимости мирного существования европейских государств, Гизо сформулировал основные идеи международного европейского права, которые должны были соблюдаться всеми европейскими государствами для сохранения и упрочения мира: мир – это естественное состояние наций и правительств; война – дело исключительное, которое должно иметь законный мотив; государства являются абсолютно независимыми друг от друга в области внутренней политики; каждое из них создается и управляется в соответствии с собственными принципами; ни одно из государств не имеет права вмешиваться во внутреннюю политику другого государства, за исключением тех случаев, когда интересы его собственной безопасности делают это вмешательство необходимым⁵³.

Сходные идеи развивал и граф де Селлон, глубоко убежденный в том, что состояние войны не имманентно присуще человеку и человечеству, соответственно, войну можно искоренить. Он был уверен в возможности создания международного арбитражного суда, разработав принципы его работы, и органов европейского правления.

Конкретные направления реформ, реализация которых, по мнению Селлона, должна была привести к постепенной трансформации общества, сводились к следующему: к отмене смертной казни; упразднению постоянных армий и замене их подразделениями милиции; созданию международного арбитражного суда в целях урегулирования конфликтов между государствами и недопущения войны как средства их разрешения⁵⁴.

Воодушевленный теориями предшественников и политической ситуацией в постнаполеоновской Европе, Селлон мечтал о том времени, когда “вселенная будет формироваться только из одного народа, управляемого одним правительством и поклоняющегося одному Богу! ...Надо подготовить это единство посредством создания федерации и центрального или арбитражного сейма, который будет посредником между государством современным и государством будущим; именно здесь будут обсуждаться все общие интересы всех народов посредством их представительства”⁵⁵. В этих словах Селлона можно различить прототип общеевропейского правительства. Причем если Гизо видел в центре интеграционных процессов Францию, то, по убеждению Селлона, в качестве основы единой Европы следует взять механизм работы женеvского сейма.

Швейцарец предполагал, что вслед за периодом “революционных конвульсий” наступит некий переходный этап, в ходе которого на основе посредничества между различными государствами произойдут трансформация постоянных армий в милиции оборонительного типа по примеру швейцарской, а также “заключение всеобщего до-

⁵² Guizot F. Mémoires..., v. 4, p. 4.

⁵³ Ibid., p. 5.

⁵⁴ Sellon J.-J. Voeux adressés au futur congrès. Genève, 1830, p. 14.

⁵⁵ Цит. по: Rens I., Giesen K.-G. Op. cit., p. 272.

говора о разоружении”⁵⁶. Следующая фаза “станет для нас самым важным событием со времен заключения Вестфальского трактата, к которому сегодня апеллируют, но который часто нарушался, поскольку не предусматривал создания какой-либо конституционной власти, дабы заставить его соблюдать”⁵⁷. Эти идеи Селлона выглядят весьма актуальными как в свете оценок самой Вестфальской системы, которую современные исследователи считают первой системой международных отношений, так и в смысле созвучности тезисам современных неореалистов об анархичности природы международных отношений, поскольку в этой сфере нет высшего органа власти, чьи решения были бы обязательными для всех. О необходимости создания такого или таких органов и говорил Селлон.

В то же время он не был настроен излишне оптимистично и понимал все сложности этого процесса. Убеденный сторонник решения международных проблем в рамках правового поля, он четко осознавал, что категория права увязывается с категорией силы, в результате чего во внешней политике доминирует “право сильного”. Поэтому равновесие, основанное на отношениях силы, являлось бы, по его мнению, очень ненадежным⁵⁸.

Однако эта проблема, по мнению и Селлона, и Гизо, была решаемой. Оба полагали, что для постепенной трансформации общества и правовых норм необходимо сделать так, чтобы эти идеи проникли глубоко в сознание европейцев. Соответственно, оба придавали особое значение такому фактору, как общественное мнение. Здесь следует заметить, что современные специалисты наряду с государством как традиционным фактором международных отношений выделяют и целый ряд других, в частности, общественное мнение.

Такой подход и для Гизо, и для Селлона был закономерен: они оба занимались публицистикой. Публицистические проекты и общественные конкурсы Селлона получили широкий общеевропейский резонанс. А статьи Гизо, написанные в годы Реставрации, в значительной степени подготовили почву для будущих перемен и реформ, осуществленных в период Июльской революции.

“Публичность – это рычаг друзей прогресса, поскольку она последовательно формулирует и формирует мнение”, – отмечал Селлон. Однако он не был демократом, т.е. сторонником народовластия, считая носителем и выразителем общественного мнения просвещенную элиту. “Человек, который надеется преуспеть на пути прогресса, – писал Селлон, – должен много дискутировать на трибуне, в книгах, брошюрах и очень мало в обществе. В XIX веке... общественное мнение имеет огромную власть и формируется публицистами и ораторами”⁵⁹. Сходные идеи разделял и развивал Гизо.

По мнению Селлона, речь шла о том, чтобы распространять как можно большее количество публикаций во имя благого дела. Этому принципу он следовал неукоснительно, учитывая множество брошюр, написанных им за 13 лет публицистической деятельности. Причем он не создавал обширных монографий, а откликался на текущие события живо и кратко. Селлон писал: “У меня вовсе не было претензий написать книгу, я излагал свои мысли на бумаге по мере того, как они накапливались на кончике моего пера, потом, когда я считал, что было бы полезно их опубликовать, я отсылал свои записи издателю”⁶⁰.

Результат, правда, не всегда был благоприятным. Подчас его называли бумагомастителем с напыщенным стилем, бесконечно повторяющим одни и те же формулы.

Одной лишь публицистики Селлону было мало. “Люди проходят, структуры остаются”, – писал он⁶¹. Он был инициатором создания целого ряда общественных орга-

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Ibid., p. 272–273.

⁵⁸ Ibid., p. 273.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibid., p. 274.

низаций в Женеве, где подобных учреждений, особенно в сфере благотворительности, существовало порядочно. Можно сказать, что уже в XIX в. идея социальной ответственности бизнеса глубоко проникла в сознание преуспевающих женеvских предпринимателей.

Сторонником взаимодействия государства и формирующегося гражданского общества был и Гизо. Он считал, что либерализм является поборником сложной организации общества, и приветствовал создание гражданского общества, наполненного многочисленными, независимыми от государства разнообразными организациями. По его мнению, самое страшное – когда государство противостоит гражданину при отсутствии иных общественных организаций. В “Истории цивилизации во Франции” Гизо писал, что лишь свободные учреждения могут обеспечить не только мудрость, но и прочность правительства, что “нет системы, которая могла бы существовать без помощи общественных учреждений”⁶². Представивший в своих работах наиболее глубокий анализ взаимодействия государства и гражданского общества, Гизо справедливо отмечал, что государственные деятели часто впадают в заблуждение, полагая, что власть самодостаточна, что она имеет свою собственную силу, свою жизнь, не только отличную, но и независимую от жизни общества. “Министры, префекты, мэры, солдаты, – писал он, – это то, что власть называет средствами управления, и, когда она ими владеет, она полагает, что управляет, и удивляется, встречая на своем пути препятствия, потому что она не владеет своим народом как своими агентами”. Истинные средства управления, по словам Гизо, заключены в недрах самого общества и не могут быть отделены от него: “Слава Богу, человечество не является полем, возделываемым землепашцем; человеческое общество само производит свои самые надежные средства управления”⁶³.

К сожалению, идеи о необходимости взаимодействия гражданского общества и государства в годы Июльской монархии остались во многом лишь благими пожеланиями. Ошибка либералов заключалась именно в том, что они отгородились от страны рамками так называемой “*paus legal*”, т.е. избирателями и самими “слугами народа”. Заботясь о парламентском большинстве, орлеанисты слишком мало думали о большинстве в стране, о народе.

Будучи реалистами, Гизо и Селлон четко понимали, что борьба за мир, пацифистская деятельность – процесс перманентный. Стабилизация ситуации в Европе после окончания наполеоновских войн и стремление решать международные проблемы в рамках “европейского концерта” не должны были создавать иллюзию, что миру больше не угрожает катаклизмы подобного рода. Селлон в начале 1830-х годов писал, что “если опасения европейской войны должны скоро рассеяться, то это не дает оснований для прекращения пропаганды пацифистских идей, способных привести к мирному взаимодействию между нациями”. Конкретные рекомендации Селлона сводились к созданию арбитражного суда и замене постоянных армий милициями⁶⁴. Ему не удалось увидеть реализацию своих идей. Первый международный арбитражный суд по урегулированию так называемого “дела Алабамы”⁶⁵ между США и Великобританией заседал в Женеве в 1872 г. Годом ранее в Женеве была упразднена смертная казнь.

⁶² Гизо Ф. История цивилизации во Франции, т. 1–4. М., 1877–1881; т. 1, с. 257.

⁶³ Guizot F. Des moyens de gouvernement et d’opposition dans l’état actuel de la France. Paris, 1821, p. 129.

⁶⁴ Sellon J.-J. Recueil de lettres..., p. 185–186.

⁶⁵ Алабамский вопрос – международный спорный вопрос, возникший между Великобританией и США по случаю вреда, нанесенного во время Гражданской войны в США торговле и судоходству северян каперскими судами, принадлежавшими Южной конфедерации, но купленными в Англии и вышедшими из английских гаваней. Международный трибунал, собравшийся в Женеве в 1872 г. и состоявший из представителей Великобритании, США и трех стран-арбитров – Италии, Швейцарии и Бразилии, – постановил, что Великобритания должна выплатить США 15,5 млн долл. компенсации. Обращение к международному арбитражу при решении спорных вопросов межгосударственных отношений стало важным прецедентом для дальнейшего развития международного права.

Политическая судьба Гизо оказалась более драматичной. В 1848 г. революционная буря смела режим Июльской монархии, а вместе с ним и либералов-орлеанистов во главе с Луи Филиппом. По Европе прокатилась целая волна “синхронных революций”, отразивших в свою очередь противоречия Венской системы. Спустя несколько лет после революций 1848–1849 гг. Европа оказалась в состоянии войны. Крымская война ознаменовала крах “европейского концерта” и Венской системы международных отношений. Правда, в историографии существуют разные точки зрения относительно ее верхней хронологической границы: ряд отечественных и зарубежных исследователей полагают, что Венская система была разрушена Первой мировой войной.

Во взглядах Гизо на европейскую политику есть определенное предвидение. Оно выражается в его отношении к проблемам войны и мира, которое начинает преобладать в Европе, пережившей не только потрясения 1860–1870-х годов, но и две мировые войны. Актуальна и его концепция единства в многообразии европейской культуры, исключая тоталитарные и мессианские решения. Как справедливо отмечал отечественный исследователь Р. Капланов, Гизо был не единственным создателем этой концепции. В Великобритании в те же годы аналогичные взгляды развивал известный историк Т.Б. Маколей, в своем эссе “История” противопоставлявший плюрализм новоевропейской культуры монополизму и духу исключительности, свойственным культуре античной. Однако в наиболее четкой и убедительной форме эти идеи были сформулированы именно Гизо. К авторитету Гизо апеллировал в 1930 г. знаменитый испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в своей книге “Восстание масс”, направленной против тоталитарной и авторитарной нетерпимости, охватившей тогда большую часть Европы⁶⁶.

Однако далеко не все внешнеполитические идеи Гизо оказались состоятельными. Например, незадолго до начала франко-прусской войны, в 1868 г., в его работе “Франция и Пруссия ответственны перед Европой” не было даже намека на растущие противоречия и войну между ними. Он считал завоевательные войны в Европе маловероятными. Но уже вскоре Европа была перекроена с учетом принципа национальностей, к которому Гизо относился по меньшей мере сдержанно. Селлон в этом отношении был более дальновидным. Еще в самом начале 1830-х годов, анализируя события в Бельгии, он настаивал на необходимости учета национального фактора при формировании государственных границ и государственности как таковой.

Идеи пацифизма, отстаиваемые Гизо и Селлоном, не потеряли своей ценности и поныне. Символично, что женевская вилла Селлона “Ля Фнэтр”, расположенная в парке Ариана, стала европейской резиденцией Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Результативность деятельности ООН в последнее время подвергается критике, порой оправданной, но это не вина Селлона. Это только лишний раз доказывает, что борьба за мир не имеет временных и пространственных ограничений.

⁶⁶ Капланов Р. Указ. соч., с. 62.